

Василий Буслаевич (5)

А как жил Буслав да девяносто лет,
Да и зуба во рти нет,
Он со городом со Киевым на брани не было,
Со матушкой каменной Москвой да век не спаривал.
Оставалось у него да чадо милое,
Чадо милое, дитё любимое,
Молодой Василий сын Буславьевич.
Как был во городе Киеве великий бал почестный пир
У того у князя у Владимира,
Он повыкатил, князь, зелена вина да девять бочечек,
Девять бочечек да сороковочек,
Пива пьяного да й девяносто пуд.
Были на пиру воры мужики городо-Кемские,
А й тут ели, пили, порасхвастались.
Да и тут повыхвастал молодой Василий сын Буславьевич,
Со своей дружиной со хороброей
Побороть Васильюшку весь Киев град,
Побороть ему вся матушка каменна Москва,
Со всеми пригородкамы и со малыма.
Тут сделали они ведь записи крепкии,
Что завтра идти на побоище на смертное,
Биться-ратиться да й раком ставиться.
Пришел Василий к матушке с честна пира,
Садился на брусовую белу лавочку,
Повесил он буйную голову
Промеж ты свои плеча да и богатырския,
Утупил он очи ясны во калинов мост.
Подходит к нему родная матушка:
— Ай же ты, молодой Василий сын Буславьевич!
Что же ты теперь да закручинился,
Закручинился да й запечалился?
— А же ты родна матушка!
Как же мни-ка теперь не кручиниться,
Не кручиниться да не печалиться?
Как я был на пиру да на почестном у князя у Владимира,

Мы там ели досыти, пили допьяна,
А й тут-то мы порасхвастались,
Я повыхвастал, что побороть мне-ка-ва весь Киев град,
Побороть мне вся каменна Москва,
А й каменна Москва да й хоробра Литва,
С своей дружиной той с хороброей.
Сделали мы записи крепкие
С мужиками городо-Кемским,
Чтоб побороть мне весь Киев град,
Вся матушка каменна Москва,
Со всеми пригородкамы и со малыма.
Завтро идти мне, матушка, на побоище короткое,
Биться и ратиться,
На коне придется дыбом ставиться.

Тут Василья родна матушка
Поила питием да забудуциим,
Свела Василья в теплу ложию спать.
Да спит Василий, не прохватится,
Не прохватится да й не пробудится;
Там по записи да й дело делают,
Его вся дружина-то в крови стоит.
Тут была-то у Васильюшка девушка дворовая;
Ведеречько было у ней дубовое,
Коромысельцо было у ней кленовое,
Носила она Василью воду свежую,
Тут носила она Василью водушку,
Сама говорит да таковы слова:
— Ай же ты, молодец Василий Буславьевич!
Хорошо-то тебе было хвастать на пиру да на почестном,
Как нынче-то тебя в пору не знать,
Твоя вся дружина-та в крови стоит.

Как тут Васильюшко прохватится,
Схватился он за платьца та цветныи,
За все-то ты копья да долгомерные,
За сабли, за тесаки за лемтячныи,
Схватился-то ведь он да и за добра коня,
Тут все у матушки да приобряжено,
Да добрый конь-то ведь спущен на поле.
Ен в одных чулочках да шелковых,

Повыскочил Василюшко да й на широкий двор,
Да й повыхватил Васильюшко тележну ось,
Тут пошел Васильюшко поскакивать,
На все стороны тележной осью-то помахивать:
Да й рукой махнет — падет улица,
Другой махнет — падет переулочек.
Тут скакал Васильюшко, поскакивал,
Да и махал Васильюшко, помахивал.
Тут видит его дядька, крестный батюшко,
Что силы уж стало мало ставиться,
Подскочил его дядька, крестный батюшко,
Ен на ту башну да й колокольнюю,
Ен сорвал колокол до девяносто пуд,
Надел он себе на головушку,
Идет-то он да на Обухов мост
Колокольным языком-то он подпирается,
Обухов мост да нагибается;
И он сам говорит да таковы слова:
— Пурхал-то ясный сокол, ну да й дóпурхал,
Ходил-то добрый молодец, ну да й дóходил!
    Как был тот Васильюшко востёр собой;
Подскочил он плечком под колокол,
Спихнул он дядьку крестного батюшку под Обухов мост;
Да й как был Васильюшко востер собой,
Вернулся тут Васильюшка да под Обухов мост,
Да там-то уж дядьки крестного батюшки и живого нет,
Да повыхватил он, Васильюшко, язык тот колокольный,
Он бьет-то дядьку крестного батюшку между уши:
— Вот-ти, вот тебе яичко, крестный батюшко!
Не дано тебе яичко о Христова дни,
Ты прими-тко мое яичко о Петрова дни!
    Повыскочил Васильюшка да и на Обухов мост.
Тут еще пошел Васильюшко да поскакивать,
Сам он говорит да таковы слова:
— Тут-то Васильюшку червлёный вяз,
Червлёный вяз, копье долгомерное,
Тут-то и сабля острая и палица военная!
    Пошел-то тут Васильюшко поскакивать,
На вси стороны языком колокольниим помахивать;

Скакал Васильюшко, поскакивал,
На все стороны языком тым помахивал,
Как силушка-то стала мала ставиться.
Владимир, князь столен-киевский,
Бежал-то к его родной матушке,
Перепрóсит он да ёго матушку,
Идет ли тут честна́ вдова,
Берет его за плечка за могучии,
Сама говорит да таковы слова:
— Ай же ты, рожоно мое дитятко,
Молодой Васильюшко сын Буславьевич!
Уходи-тко свои плечушка могучии,
Укрепи сердечушко ретивое!
— Спасибо тебе, родна матушка,
Что ты сзадí пришла!
Как бы спереди пришла,
Так там же ты бы й была;
Расходились мои плечушки могучии,
Разгорелось-то сердечушко ретивое,
Белый свет в глазах да помятушился.

Берет его за ручки-ты за белыя
Ведет его в свои покои во любимыя,
Стала она его кормить-поить,
Да стали они жить да быть, да все добро творить.

*(Записано в Кижях 6 июля 1871 г. от крестьянина д. Волкостров (Заонежье)
Терентия Иевлева)*

Онежские былины, записанные Александром
Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. - 1896.